

Юрий Рок

Сказки
АНЗЫСКАНЬЯ

Книга первая.
Сновидица и Вечная Игра

Утро Полины продолжается

СТО МИЛЛИОНОВ ЛЕТ

Юрий Козлов
Сказки АнЗыСканья.
Книга первая.
Сновидица и вечная игра

*<https://litres.ru/74129538>
SelfPub; 2026*

Аннотация

Цикл философских сказок-фэнтези для детей и не только. В игровой форме поднимаются серьезные философские темы о смысле жизни, добре и зле, появлении вселенной и т.д., приправленные математическими концептами, квантовой физикой и теорией вероятности в понятной игровой форме и долей здорового абсурда и юмора.

Собственно что меня сподвигло опять заняться литературой: у меня дочка, сейчас ей 18 .

С 9-до 12 лет рассказывал ей сказки на ночь. Чистая импровизация, что в голову придет. Все это писалось на диктофон. Получилось более 100 файлов - историй. Я все это перевел в текст и загнал в нейросеть. Нейросеть собрала всех персонажей, отсеяла лишнее, некий общий сюжет построила. Сначала хотел просто обработать лучшие из историй, но нейросетка сделала из этого вполне себе целостный мир, и я так

сказать увлекся, решил написать на основе этого не просто цикл разрозненных сказок, а некую целостную историю.

Приятного чтения!

Содержание

Глава 1	5
Глава 2	30
Глава 3 «Новая переменная»	33

Юрий Козлов
Сказки АнЗыСканья.
Книга первая.
Сновидица и вечная игра

Глава 1

УТРО ПОЛИНЫ

(или «Сто миллиардов лет»)

Сказки АнЗыСканья

Утро Полины продолжается сто миллиардов лет.

(с) Наутилус Помпилиус

Книга первая. Сновидица и Вечная Игра

[Глава 1]

[После читки и корректуры]

Жила-была на свете девочка Полина. Были у неё мама, папа, хитрый рыжий кот-обормот и много-много интересных

и волшебных книжек.

И вот как-то раз Полина попросила:

— Папа, расскажи мне сказку.

— Какую тебе сказку рассказать? — спросил папа. — Хочешь, про учёного кота, или про Сивку-Бурку, или про Лошадку Радугу?

— Это всё из книжек, — сказала Полина. — Это мне мама сто раз читала. Давай сами сочиним сказку, которой не будет ни в одной книжке в мире. Это будет наша сказка.

— А про кого ты хочешь сказку? Про кота? Про гномов? Про Мудрого Лиса? Про волшебных единорогов?

— Да, пусть там будет и волшебный кот, и гномы, и единороги, и добрый дракон, и Мудрый Лис, — сказала Полина. — Но вообще-то я хочу... я хочу, чтобы сказка была про паука.

— Про паука? Но ведь пауки злые и страшные.

— Не все! — заявила Полина. — Вчера мы гуляли с мамой и видели огромного-огромного паука. Он сидел высоко

на дереве в своей паутине. Я сначала испугалась и чуть-чуть не заплакала, но мама мне сказала, что не все пауки злые, и не надо их бояться. Главное — не лезть к нему на дерево и не мешать ему заниматься своими делами. Потому что пауки бывают добрые, они плетут паутину удачи. Но бывают и злые пауки. У них на спине нарисован крест, и они могут укусить. В любом случае, добрые пауки есть.

— Хорошо, — сказал папа. — Я как раз знаю одного такого паука. Его зовут Ананси. Он живёт далеко-далеко, на другом конце земли. Там люди не боятся пауков, они их уважают.

— А почему они их уважают?

— Потому что они верят, что Ананси — самый-самый первый паук в мире — создал небо, а потом сплёл паутину и спустился с неба на землю. Он волшебный, этот паук.

— Да, — сказала Полина. — Пусть будет Великий Паук Ананси, создатель неба. И пусть у него будет подружка. Подружка — лягушка.

— Царевна-лягушка? — спросил папа.

— Да нет, не царевна. Царевна — это в сказке из книж-

ки. А тут пусть будет Великая лягушка, может быть, даже с короной, но не царевна. И жить она будет не во дворце, а в волшебном колодце.

— Хорошо, — сказал папа. — Но большая лягушка называется жабой.

— Да, да! — захлопала Полина в ладошки. — Великая Жаба из Сухого Колодца!

— Ну тогда слушай и засыпай, — сказал папа.

— Хорошо, — сказала Полина. — Ты рассказывай, и пусть они мне все приснятся!

[ЭПИЗОД 1: Сказка, как Полина попала в Волшебный Лес]

Эпиграф:

A mouse took a stroll through the deep dark wood...

Как-то раз маленькая девочка Полина оказалась в очень странном месте. Место это было похоже на большую просторную кухню. Под абажуром в форме тыквы стоял большой круглый стол. От абажура шёл мягкий свет, и он почему-то потрескивал, тихонько гудел и искрился.

На столе стояли чашки, лежали ложки, в вазочках были конфеты и какие-то загадочные фрукты. На самом большом блюде лежало огромное красное яблоко. На здоровенной кухонной плите стоял древний медный чайник, и что-то кипятилось в маленькой кастрюльке.

Рядом с плитой стоял другой длинный и вытянутый стол, на котором стояли банки, колбы, ступки и другие загадочные вещицы, явно волшебного происхождения.

И никого не было. Но на самом деле Полина чувствовала, что она не одна, и что за ней внимательно наблюдают несколько пар глаз.

— А у вас здесь лампово и винтажно, — сказала Полина.

— Как-как? — раздался откуда-то тонкий и певучий голос.

— Лампово и винтажно, — повторила Полина.

— Это значит «тепло и уютно», — сказал откуда-то другой голос, скрипучий и квакающий.

— Ну тогда проходи, присаживайся, — сказал певучий голос.

Полина подошла к столу и увидела, что за ним на стуле с длинными-предлинными ножками сидит огромный паук. Паук был чёрный, очень мохнатый, как будто связанный из шерсти; через всё его тело проходили несколько белых полос. «Как на бабушкиных носках», — почему-то подумала Полина.

И ещё она подумала, что паук тоже ламповый и винтажный. Полине даже показалось, что это мягкая плюшевая игрушка.

А ещё Полина поняла, что паук был здесь всегда, и она его видела, но почему-то не понимала, что он есть. Странное чувство, подумала Полина.

И тут паук взглянул на неё своими огромными чёрными глазами. Вернее, он и раньше глядел на неё, но у него было много глаз. Те, которыми он смотрел сначала, были маленькие и блестящие, как пуговицы, что и придавало ему сходство с игрушкой. А *эти* глаза были огромные, бездонные, как два колодца, и Полине показалось, что ещё немного — и она сорвётся с края и полетит в чёрную бездну.

Но паук мигнул, наваждение рассеялось, и опять на Полину смотрели два глаза-пуговики.

— Да, он точно не игрушечный, — подумала Полина. У игрушек таких глаз не бывает.

— Не бойся, девочка Полина, — сказал Паук Ананси (а это был он). — Я просто посмотрел на тебя своими магическими глазами. Вы, люди, странные, — продолжал он. — У вас всего два глаза. У меня их восемь. Два глаза — чтобы смотреть в прошлое, два — чтобы смотреть в будущее, два — для повседневных дел и ещё два — для магии.

— А где я? — спросила Полина. — И что здесь происходит?

— Вы, люди, странные, — повторил Ананси. — Всё время куда-то торопитесь и задаёте по два вопроса сразу: ещё не успели получить ответ на первый вопрос, а уже задаёте второй.

— Ну, тогда ответь хотя бы на один.

— Ты у нас в гостях, — сказал Паук Ананси. — Это во-первых. А во-вторых, мы тут играем.

— А во что?

— В прятки.

— И от кого же вы прячетесь?

— От кого, от кого? От тебя! — раздался уже знакомый скрипучий голос.

— Ананси, ты, кстати, проиграл, тебя первым нашли.

И неожиданно над столом что-то промелькнуло, и огромное яблоко, лежавшее на тарелке, исчезло.

— Так нечестно! — закричал Ананси. — Ты съела последнее Яблоко Добра и Зла! А это было моё яблоко!

— Не твоё, — сказал тот же скрипучий и чавкающий голос. — Тебя нашли первым, значит, ты проиграл, и теперь яблоко моё. Вот я его и съела.

И тут Полина увидела, что напротив неё сидит огромная Жаба. Жаба была серо-зелёная, и всё её тело покрывал какой-то странный ритмичный узор — то ли из пятен, то ли из магических символов. Полина попыталась рассмотреть узор, и тут же у неё закружилась голова и поплыло перед глазами. Пришлось отвести взгляд. И опять же повторилось то же самое, что с Пауком, — Полина понимала, что всё это время она видела Жабу, но не могла осознать, что она здесь есть.

Когда она опять взглянула на Жабу, то узора уже не было. Жаба была ровного коричневатого - салатного цвета. На голове у жабы была съехавшая набок корона. Жаба жевала, так что под её зелёной кожей ходили желваки, и при этом из её круглых глаз с вертикальными зрачками текли слёзы. Периодически жаба закатывала глаза от удовольствия.

— Так нечестно! Нечестно! — закричал Ананси. Откуда-то в его лапах появился моток тонкой паутины, и он метнул её в сторону Жабы.

Жаба крикнула, и из её рта вылетел длиннющий язык.

«Так вот как она яблоко схватила», — подумала Полина.

Жаба между тем отбила паутину своим языком. Но паутина прилипла к языку. Паук потянул на себя. Жаба — на себя. Стол задрожал. Блюда жалобно зазвенели.

— Вообще-то, если на то пошло, выиграл я, — раздался откуда-то тихий и вкрадчивый голос. — Туки-туки за себя!

Полина повернулась и увидела, что в углу, на кресле-качалке, сидит огромный Лис. Он был не рыжим, а скорее рыже-пепельного цвета со стальным оттенком. На его носу были круглые очки с чёрными стёклами («стимпанковские», —

подумала про себя Полина). Лис был укрыт серым пледом, расшитым бусинками, камушками и, как показалось Полине, птичьими лапками и черепами каких-то мелких грызунов. Поверх пледа покоился огромный рыжий с подпалинами хвост. В лапах он держал дымящуюся кружку и, кажется, грел об неё ладони.

Лис как-то смешно встопорщил усы, отчего очки съехали на край носа, и из-под них на Полину глянули два очень цепких, пристальных и холодных глаза-уголька, светившихся изнутри зелёным светом.

«Странная манера у них знакомиться», — подумала Полина и отвела взгляд.

— Вроде великие, древние и мудрые, создатели земли и неба и всего такого, а ведёте себя как маленькие дети, — продолжал Лис, обращаясь к Ананси и Жабе — Не стыдно перед гостьей?

— Она съела последнее Яблоко Добра и Зла! — сказал Паук и указал своей длиннющей чёрной лапой на Жабу. Однако паутину отпустил.

— Ну и что? Ты проиграл, — проямлила Жаба, еле ворочая языком, ещё не отошедшим после паутинного плена.

— Дались вам эти яблоки, — сказал Лис. — Сходите на Драконью гору, новых наберите.

— Это было последнее, — пожаловался Паук. — Теперь сколько ещё ждать, пока новые вызреют? У тебя времени полно, — обратился он к Жабе... — А у меня каждая секунdochка на счету...

— Ладно, — примирительно сказала Жаба. — У меня консервированные есть. Я тебя угощу.

— Вы консервируете Яблоки Добра и Зла? — спросила Полина.

— Консервирую. По прабабушкиному рецепту, — гордо сказала Жаба. — С горчицей васаби для пикантности и капелькой кипячёного времени, чтобы не пропали.

— Кипячёного времени? — переспросила Полина.

— Да, кипячёного времени, — ехидно сказал Паук, и его певучий голос приобрёл какие-то совсем издевательские нотки. — Она его и в консервы добавляет, и в чай, только что в туалете за собой им не смывает.

— Да что же вы, опять ссоритесь? — сказал Лис. — Вообще-то у нас гости...

— Ах, да! — затараторила Жаба. — Чай, кофе?

— Можно кофе? — спросила Полина.

— Кофе детям не игрушка, тем более ночью, — пропел Паук.

— Моим кофе ещё никто не оставался недовольным, — проскрипела Жаба. — Ты просто завидуешь, что не умеешь варить кофе как я.

— Спорим, сварю лучше? — пропел Паук.

— Ага, опять в кофе коньяку полкружки плеснёшь, и потом будешь уверять, что это кофе по - Дабустански.

— Не надо с коньяком, — сказала Полина. — Капните мне в кофе немного кипячёного времени, если можно.

— А девочка знает толк в напитках, — рассмеялся Лис.
Жаба как-то смешно спрыгнула со своего табурета, прыгала к плите, налила воду из чайника в какую-то странную конструкцию. Закрутились колёсики, что-то защелкало.

— Кофе-машина, — гордо сказала Жаба. — Мы тут не отстаём от прогресса.

Колёсики остановились. Раздался мелодичный звоночек, и металлический голос произнёс: «С вас тридцать пять центов».

— Ох, уж этот Гном-Палиндром! — пожаловалась Жаба. — Обещал, что сделает, чтобы эта бестия не просила денег, да всё никак не зайдёт.

Достала откуда-то с полки золотой и закинула в щель. Раздался ещё один звоночек, из аппарата выдвинулась металлическая рука с чашкой кофе. Жаба взяла кофе одной лапой, а второй изо всех сил треснула по крышке машины.

— Возьмите сдачу, — раздался металлический голос, и из щели выкатился тот самый золотой. Жаба поймала его своим языком и отправила обратно на полку.

Потом она достала откуда-то маленькую коктейльную ложечку, открыла кастрюльку, кипятившуюся на плите. Из кастрюльки повалил радужный пар...

Ложка вошла в радужный пар, и Жаба, ловко орудуя ею,

зачерпнула оттуда что-то густое, переливающееся всеми цветами, и капнула прямо в чашку с кофе. Кофе забурлил, вспенился и на мгновение чашка засветилась изнутри.

— Вот, держи, — протянула чашку Полине Жаба. — Из моих личных запасов. С привкусом старых добрых времён. Тринадцать миллиардов лет выдержки, между прочим. Пробуй.

Полина осторожно пригубила. На языке вспыхнул вкус, которого нельзя было описать словами. Он был сладким, горьким, терпким и свежим одновременно, а ещё в нём шелестели страницы книг, и пахло далёким, тёплым морем, лесом, а ещё чем-то тревожным, волшебным и загадочным одновременно. Это было потрясающе.

— Вкусно? — спросила Жаба, и её глаза-блюдца стали совсем круглыми.

— Очень! — честно ответила Полина, делая ещё один глоток. В голове у неё прояснилось, и странное место вокруг стало казаться чуть более знакомым, как будто она была здесь не в первый раз.

— Видишь? — с торжеством сказала Жаба, косясь на Ананси. — А ты говоришь — дети.

Паук что-то недовольно пробормотал, сплёл себе из паутины крошечный гамак и улёгся в него, раскачиваясь. Потом затащил какой-то очень грустный, но очень красивый африканский мотив, состоящий из щелчков и гортанных звуков.

— Не обращай внимания, — сказал Лис, сделав глоток из своей кружки. — Он просто обиделся, что его нашли первым. А мы, между прочим, до твоего прихода уже и не помню сколько тысяч лет так играли, и никто никого найти не мог. Потому что Ананси и Жаба — вечные спорщики. Заключили пари, видишь ли.... Пришлось и мне с ними за компанию прятаться. А ты нас всех нашла, — констатировал Лис и опять глянул на неё поверх очков своими жуткими глазами.

— Я не виновата... Я просто... увидела его, — неуверенно сказала Полина.

— Вот-вот. Увидела. Для нас это был честный розыгрыш. Мы все прятались. Очень хорошо прятались, между прочим. А ты посмотрела и узнала его. Это очень сильная магия, девочка.

— Я... я не знаю, — растерянно сказала Полина. — Я легла спать, Папа начал рассказывать сказку про вас... и вот я здесь.

— А, — сказал Лис. — Я же говорю, магия. Твой Папа — Рассказчик. Или сказочник, что в данном случае одно и то же. Он не просто сочиняет, он... будит Спящие Миры. А ты, судя по всему, Сновидица. Редкий дар. Ты не просто слушаешь сказку, ты в неёходишь.

В кухне воцарилась тишина, нарушаемая лишь тихим потрескиванием абажура-тыквы и равномерным напевом Паука в его гамаке.

— А... а что теперь будет? — спросила Полина. — Вы же мне снитесь. А вдруг я проснусь, и вы исчезнете?

— Исчезнем? — ухмыльнулся Лис в свои длинные усы. — Ну, это вряд ли. Просто продолжим играть в прятки.

— А вдруг вас никто не найдёт? — спросила Полина.

— Ну, вселенная огромна, — задумчиво сказал Лис.

— Да, огромна, — философски заметила Жаба, поправляя корону. — В ней миллиарды галактик и триллионы разумных существ, которые хотят чуда на протяжении миллиардов лет. Так что, чисто по статистике, кто-нибудь да отыщет.

— Да и вообще, с чего ты решила, что мы тебе снимся? — ехидно спросил чей-то голос. — А вдруг это ты нам снишься? Вот сейчас как проснёмся все разом, и ты исчезнешь?

— Ох... а так тоже может быть? — испуганно выдохнула Полина.

— Может ещё и не так быть, — продолжал тот же ехидный голос. — Пока за тобой не наблюдают, ты одновременно и спишь, и не спишь, и снишься всем сразу, и никому в отдельности. Но если все, допустим, разом проснутся, то кто тогда будет тем сновидцем, который видит этот сон? Или, опять же, наоборот, все разом уснут...

*Какие сны в том странном сне приснятся,
Когда покров живого чувства снят?
И может быть и явь исчезнет
Коль все уснут?*

— продолжал голос, переходя на декламацию.

— Ой-ой, — сказала Полина. — Как-то всё у вас тут сложно.

— Ничего сложного здесь нет, — продолжал голос с ещё большим ехидством. — Квантовая запутанность и неопределённость Шрёдингера — что может быть проще? Ну вот

подумай: тебе десять лет, а где ты была, скажем, одиннадцать лет назад? Вот тебе шарада, посложнее Бинома Ньютона.

— Ну-ка брысь! — закричала Жаба. — Сгинь, рыжая нечисть! Не пугай девочку своими рассказками.

— Как мир спасать, так «котик, помоги, посоветуй, что делать», а как с дорогими гостями чай-кофеи гонять — так «брысь»! — обиженно зашипел тот же голос уже из другого угла.

— А это кто? — спросила Полина удивлённо и слегка испуганно.

— Да не обращай внимания, — пробурчала Жаба. — Местное недоразумение, просто сумасшедший дикий кот-философ.

— Вечно ходит где хочет и вечно всем недоволен, — подтвердил Паук Ананси.

— Получается, я его тоже нашла?

— Да я и не прятался! — раздался голос, на этот раз будто со стороны буфета. — Нет у меня такой унизительной привычки.

— Нет, — сказала Жаба. — Ты его пока не нашла. Это же кот. Ходит где хочет, ну и всё такое.

— Его можно найти, только если он сам этого захочет, — добавил Паук. — Или если ты узнаешь его имя.

— Тогда пусть это будет Кот Карбонарий.

— Как ты узнала?! — прошипел Кот Карбонарий. — Никто не мог знать моего имени!

Клубок когтей и рыжей шерсти промелькнул где-то на периферии зрения и исчез.

— Убежал, — сказала Жаба. — Экий мнительный. Философ, одним словом.

— Обиделся, — резюмировал Паук.

— Теперь жди беды, — сказал Лис с сарказмом. — Напишет про тебя и всех нас душераздирающую поэму. Или эпигramму. И весь лес будет месяц потешаться.

— А потом придёт к Жабке и потребует, чтобы она записала его эпигramму в Книгу Истории Волшебного Леса.

— Ну и запишу, — сказала Жаба. — Эпиграммы у него хорошие, хотя временами и обидные. Но чего не стерпишь ради Истории...

— А он ещё вернётся? — спросила Полина.

— Конечно, вернётся, — рассмеялась Жаба. — От него не так-то просто отделаться. Вот увидишь, через пару недель заявится на кофе, как ни в чём не бывало. Говорит, у меня тут «единственный вмняемый кофе в этой абсурдной реальности». Ну, я и рада стараться.

— Хотя, возможно, в чём-то он прав... — задумчиво сказала Жаба. — Давай-ка на всякий случай... — и глаза её сделались какими-то хитрыми и прищуренными. — Вот какое предложение. Не хочешь ли ты стать принцессой?

— Я и так принцесса, — гордо ответила Полина. — Меня Папа так часто называет.

— Как причудливо тасуется колода, — хмыкнул Лис.

— Это должна была быть фраза Карбонария, — сказал Паук.

— Ну так он убежал... Пришлось мне заполнить паузу, —

отозвался Лис.

— Ну тогда лови, — сказала Жаба.

Её язык взметнулся, и в руках у Полины оказалась корона. Та самая, что была на голове Жабы. Корона была массивной и холодной. И одновременно горячей. По ее металлической поверхности пробежали радужные блики. В кончиках пальцев электрически покалывало.

— Раз ты принцесса, у тебя должна быть корона, — назидательно сказала Жаба.

— А как же... как же вы?

— Когда-то у меня был выбор — стать принцессой, ну или царевной-лягушкой на худой конец. Или стать Великой и Могучей Колдуньей, Повелительницей Мира, Жабой из Сухого Колодца. Если честно, я долго сомневалась, и даже чуть было не выбрала стать принцессой.

— Почему? — спросила Полина. — Быть великой колдуньей — это же круто...

— Может и так, — сказала Жаба задумчиво. — Но у колдуний, тем более у великих, жизнь не сахар. Спасать мир,

следить за ходом времени, бороться со злом... ну и наконец, быть Жабой! Хоть и великой и могучей, но Жабой! Думаешь, это так просто? Быть принцессой куда приятнее... Так что надевай корону, пока я не передумала.

— Надевай, надевай, — захихикал Паук Ананси. — У неё этих корон в чулане штук сорок хранится. А если что, ей гномы ещё сделают.

— Да, — грустно сказала Жаба. — Сделают. Но принцессой от этого я всё равно не стану. Тут уж либо Великая и Ужасная Колдунья-Жаба, либо принцесса. Совмещать не получится...

Полина постояла в нерешительности, а потом надела корону. Сначала ничего особого не произошло, только немного защищало кожу на голове. Потом мир изменился. Непонятно как — вроде всё осталось на своих местах, но как-то по-другому.

— Вот, теперь ты Принцесса. Полинелла Первая, — хихикнул Лис.

— Всё стало каким-то другим. Это... это хорошо? — спросила Полина.

— Это *интересно*, — поправил её Паук. — Для нас — ты

как свежий ветер. Для тебя... Ну, ты уже пьёшь кофе с кипячёным временем. Думаю, ничего страшного. Хочешь, покажу, куда ведёт эта дверь? — Он махнул лапой в сторону тёмного проёма, который Полина раньше не замечала.

За дверью слышалось журчание воды, щебет невиданных птиц и доносился запах влажного мха и чего-то сладкого, похожего на спелую землянику.

— Это в Волшебный Лес? — прошептала Полина.

— Да, Принцесса, — кивнул Ананси. — Но предупреждаю: если ты туда ступишь, ты уже не будешь просто гостьей. Ты станешь частью истории. Частью нашей большой, нескончаемой игры. Ты готова?

Полина посмотрела на дверь, на трёх невероятных существ, на чашку с волшебным кофе в своих руках. Она чувствовала лёгкий озноб волнения, но страха не было. Была жгучая, неудержимая любознательность.

— А если я не готова? — спросила она.

— Тогда, — сказала Жаба, — ты просто проснёшься. И решишь, что это был очень реалистичный сон.

— И ты сможешь забыть, — добавил Лис, но в его зелёных глазах мелькнула искорка сожаления.

— А я не хочу забывать, — твёрдо сказала Полина. Она поставила чашку на стол и встала. — Я хочу посмотреть на ваш лес.

Паук Ананси засмеялся — звук был похож на перебор струн маленькой арфы.

— Ну что ж, — сказал он. — Тогда пошли. Только осторожнее на пороге. Там один шаг — и ты в совершенно другом мире.

И, откинув гамак из паутины, он ловко спустился по нему на пол и засеменял к тёмному проёму. Жаба, кряхтя, сползла со стула и заковыляла следом. Лис, завернувшись в свой зловеющий плед, неспешно последовал за ними, оглянувшись и подмигнув Полине своим зелёным глазом.

Полина глубоко вдохнула и сделала шаг.

И мир качнулся. Лес прыгнул к ней навстречу — и вот она уже стояла в самом его центре, на тропинке, уходящей неизвестно куда.

Она обернулась. Позади не было ни двери, ни тоннеля, ведущего в Колодец Жабы. Только арка — естественная, увитая плющом, образованная двумя близко растущими деревьями, стволы которых переплелись с лианами в затейливый

узор.

Под этой аркой стояли трое.

Паук Ананси жестикулировал передними лапами — кажется, давал последние наставления, хотя слов уже было не разобрать. Жаба промокала платочком зелёную слезу, катившуюся из её круглых глаз, и тем же платочком махала Полине вслед. А Лис стоял чуть поодаль, скрестив лапы на груди, и смотрел пристально, чуть насмешливо. Потом сделал нетерпеливый жест — мол, иди, не оглядываясь, всё правильно.

Полина улыбнулась и пошла по извивающейся тропинке, мимо светящихся грибов и стройных стволов, мимо увитых мхом деревьев-гигантов, в кроне которых пели птицы, и стрекотала какая-то живность, мимо звонкого и говорливого ручья, по которому на маленькой лодочке из коры плыла какая-то зверушка с важным, сосредоточенным видом. В воздухе пахло мятой, шоколадом и почему-то свежими огурцами.

Полина шла по тропинке, углубляясь в чащу. И... проснулась.

[Конец эпизода]

Глава 2

[НАЧАЛО ВТОРОЙ ГЛАВЫ]

(отредактированный текст)

Утро Полины

Утром Полина проснулась в чудесном настроении. Во-первых, было воскресенье. И не надо было никуда бежать. А во-вторых... У неё было ощущение, что во сне с ней произошло что-то сказочное, волшебное.

Она надела мягкие тапочки со смешными лисьими мордочками, расшитые бусами и какой-то «хеллоуинской» бижутерией — черепки, лапки-скелетики — и пошла на кухню.

На кухне был папа. Он возился с новой кофе-машиной, которая постоянно ломалась, — видимо, сломалась и в этот раз.

— За кофе из этой китайской рухляди приходится постоянно платить, — сказал папа. — Только вчера купил сменный фильтр, а он, между прочим, импортный, тридцать пять центов стоит. И вот опять барахлит.

— Где-то я уже это слышала... про эти кофе-машины, — задумчиво сказала Полина.

— Ну, это не мудрено, — ответил папа. — В интернете по скидке разве чего хорошего купишь...

Он с досадой хлопнул по крышке. Машина заурчала, и в

чашку полился свежесваренный кофе. Раздался мелодичный звоночек.

— Гм, интересное кино, — сказал папа.

— А можно мне тоже кофе? — спросила Полина.

— Кофе детям не игрушка, — назидательно сказал папа, однако поставил в кофе-машину Полинину чашку.

На этот раз машина не стала артачиться и выдала порцию ароматного кофе.

— Держи, Принцесса. Тебе с молоком, а мне с коньячком, по-Дабустански, — сказал папа, доставая молочник из холодильника и фляжку откуда-то из-за шкафа. — Только маме не говори, — сказал он, подмигнул и хитро ухмыльнулся.

— Ты прям хитрый Лис, как из вчерашней сказки, — сказала Полина. — Ты помнишь, рассказывал мне сказку?

— Конечно, Принцесса, помню. Я только начал рассказывать, как ты засопела.

— Да, я же теперь Принцесса. Принцесса Волшебного леса!

— А я всегда говорил, что ты Принцесса.

— Да нет, я настоящая Принцесса, — топнула ножкой Полина. — У меня и корона есть.

— И где же твоя корона? — ехидно спросил папа.

— Там, в сказке! Её, наверно, Великая Жаба из Сухого Колодца положила в свой чулан. И хранит её там, пока я не вернусь.

— Ну, верю, верю, Ваше Высокопреосвященство! — рас-

смеялся папа.

— Прошу не ерничать в присутствии королевской особы, — гордо сказала Полина и смешно выпятила губу. — И обращаться ко мне «Ваше Королевское Величество» — я так в одной книжке читала.

— Пардон, Ваше Величество, — сказал папа и сделал какой-то смешной полупоклон-полуприседание.

— А ты сегодня вечером расскажешь мне сказку? Про кота, и про дракона, и про волшебного гнома?

— Конечно, расскажу, — пообещал папа.

Глава 3 «Новая переменная»

«Вытащи из мною сказанного два слова: "всё" и "ничего".
Остальное отбрось»

— *Даниил Хармс, из черновиков**

И тут она увидела нечто интересное и удивительное.

На краю поляны, под огромным грибом, шла ожесточённая игра в карты. За столиком из замшелого разлапистого пня сидели огромный рыжий кот с массивной золотой цепью на шее и бородатый гном в странном колпаке, надвинутом задом наперёд, и кожаном камзоле со множеством карманов.

Цепь Кота позвякивала при каждом движении, и Полина почему-то сразу поняла: это не украшение и даже не талисман. От неё ощутимо веяло тайной.

Гном тасовал колоду самым странным образом, который только можно было вообразить: часть карт он прятал в свою длинную коричневую с проседью бороду, а потом тут же доставал их откуда-то из-за уха.

— Ваш ход, Палиндром, — сказал Кот и с независимым видом выложил на пенёк карту. — Туз. Чистая единица. Начало всех начал. Без вариантов.

— Вариантов всегда множество, — задумчиво ответил Гном. — Я бы даже сказал — бесконечное множество. Если я выиграю, ты проиграешь. А если ты проиграешь... это будет моя победа? Или не моя, а чья-то ещё? Тогда, значит,

я проиграю. Но ведь ты тогда получается выигрываешь? За-
мкнутый круг, Карбонарий. WHILE TRUE!

— Палиндром, ходи или сдавайся! И хватит уже дура-
читься, — проурчал Кот и ухмыльнулся какой-то сказочной
улыбкой, которой могут улыбаться только коты из сказок и
мультиков.

— Ход мой — не мой, — пробормотал Гном и задумчи-
во почесал в затылке, отчего его шапка съехала ещё больше.
Потом он полез куда-то за ухо и извлёк оттуда... карту. Яр-
кую, с изображением шута в колпаке.

— Джокер, — объявил Палиндром и торжественно поло-
жил карту поверх туза.

Кот фыркнул, и Полине показалось, что по его шерсти
пробежал маленький вихрь из электрических разрядов.

— Джокер? — Кот прищурился. — Ты забыл правила?
Джокер не играет. И вообще, туз старше.

— Нет, — Гном покачал головой и ткнул мохнатым паль-
цем в туза. — Посмотри внимательно. Что у тебя в центре?

Кот склонился над картой. В центре туза, помимо масти,
был изображён затейливый цветок.

— Цветочек, — неуверенно сказал Кот. — Красивый. Ну
и что?

— Это не просто цветочек, — торжественно произнёс Па-
линдром. — Это единица, обёрнутая сама в себя. Единица,
которая притворяется цветком. Но сути не меняет. Туз —
это единица. Один. Начало.

— Допустим, — Кот насторожился.

— А у меня — Джокер. — Гном погладил свою карту. — Ноль. Пустота. Случайность. Вероятность. То, чего нет, но оно вдруг появляется.

— И что с того?

— А то, — Гном хитро прищурился, — что ноль побеждает единицу. Ноль — это пустота, из которой всё растёт. А ещё ноль — это ничто, которое вдруг становится всем. Поставь ноль после единицы — и она станет десяткой, добавь ещё ноль — сотней. А умножь единицу на ноль — и где тогда твой туз? Твоя любимая единица?

— То есть ты хочешь сказать, что твой дурацкий Джокер победил моего благородного туза?

— Именно, — Палиндром довольно сложил лапки на животе. — Ты проиграл, Карбонарий. Сдавайся.

— Философ хренов, — буркнул Кот. — Никогда не поверю, что ноль больше единицы. Ты блефуешь.

Он недовольно отвернулся, делая вид, что ему это не интересно. Но Полина заметила, как его уши дёрнулись, когда Гном продолжил:

— А ещё посмотри-ка сюда, — сказал Палиндром, тыча в карту своим корявым и не очень чистым пальцем. — Что тут написано?

В углу карты, рядом с рисунком, было что-то напечатано.

— Буква J, — сказал Кот. — Наверное, это от слова «джокер»?

— Нет, — голос Палиндрома стал тихим и каким-то напряжённым. — Это не просто Я. Это проклятая «джи». То, чего не может быть, но оно есть. Это Мнимая единица!

Кот открыл рот, закрыл, снова открыл.

— Ты опять за своё, — Кот выгнул спину и зашипел. — Мы же договорились не ворошить былое...

Над поляной повисла напряжённая тишина.

Полина, которая вышла к поляне минуту назад и теперь стояла в тени дерева, наблюдая за этой сценой, вдруг поймала себя на мысли, что джокер показался ей странно знакомым. Будто она уже видела его где-то. Или ещё увидит.

Но тут Кот повернул голову и уставился прямо на неё своими жёлтыми глазами.

— О, — протянул он. — Смотри-ка, Палик! Кажется, в нашу игру пришла новая переменная.

И в этот миг их взгляды встретились с взглядом Полины. Наступила секунда полной тишины.

— Вот и я о чём говорил, — пробурчал Гном. — Был ноль, ничто, а сейчас сам видишь что — новая переменная.

И, воспользовавшись тем, что Кот отвлёкся, он стал собирать карты, часть которых прятал в свою бороду, а другие рассовывал по многочисленным карманам своего кожаного сюртука.

— Я не переменная, я вообще-то принцесса, — сказала Полина, выходя на полянку.

— Фу-ты-ну-ты, Ваше Преосвященство, — сказал Кот с

ехидцей и сделал какой-то нелепый, но при этом очень грациозный полупоклон-полуреверанс. Из его носа выдулась маленькая шаровая молния, которая тут же лопнула с оглушительным треском.

— Преосвященство? — удивилась Полина. — Где-то я уже это слышала...

— Попрошу почтительно обращаться со мной, — сказала Полина, скорчив серьёзную мину. — И обращаться ко мне «Ваше Королевское Величество». А иначе...

Что «иначе», она пока ещё не придумала. Но она уже придумает что-нибудь такое, чтобы утереть нос этому нахальному котищу.

А Кот не унимался:

— И вообще — может, ты мнимая? Как единица у Палиндрома. Если ты принцесса, то где твои королевские регалии? Корона там? А то свалилась нам на голову в ночнушке и домашних тапочках и принялась командовать.

— Корона моя, ты сам знаешь где, — парировала Полина. — У Великой Жабы в чулане хранится.

— Ну да, у Жабы, — задумчиво проорчал Кот, и в его голосе появились мстительные нотки. — А может, ты вовсе и не принцесса. А заколдованный бешеный ёжик с Чёрного болота. Ёжик-пыжик. Объелась забродившей клюквы и болотных грибов и возомнила себя принцессой. Там у них, знаешь ли, по весне, когда клюква бродит, каждый второй — или Наполеон, или Кутузов.

— На ёжика не похоже, — заметил Гном, продолжая рассовывать карты по карманам и кармашкам.

— Никакой я вам не ёжик, — разозлилась Полина. — Раз ты так, то держись! Ну, сейчас я тебе покажу!

И топнула ногой.

В тот же миг с окружающим миром произошла метаморфоза — как будто он на секунду расфокусировался, а когда собрался вновь, на голове у Полины была корона, а ночнушка превратилась в королевский наряд, разукрашенный, впрочем, розовыми котиками. Только тапочки-лисички почти не изменились, хотя теперь и они выглядели как маленькие сапожки.

По лесу прошла волна, в чащобе что-то ухнуло, всколыхнув листья, а у Гнома слетела его нелепая шапка.

— Перестань, Кот, — проворчал Палиндром, отбирая шапку у непонятно откуда выскочившего бешеного ёжика, который вознамерился было утащить её в кусты. — Ты же знаешь, что принцесса настоящая.

— Приношу извинения, Ваше Высочество, — и Гном почтительно поклонился.

Поклонился и Кот, хотя и с гордой независимой миной на лице.

— А вы всегда так играете? — спросила Полина.

— Всегда, — буркнул Кот. — Особенно перед тем, как что-то случается. И всегда он выигрывает. Потому что правила придумывает по ходу игры. То у него туз — это не туз,

то джокер — это не джокер.

— Джокер — это всегда не джокер, — загадочно сказал Гном. — В этом его суть. И в этом его страшная тайна.

— Страшные тайны? — удивлённо спросила Полина.

— В любом приличном мире должно быть десяток другой страшных тайн и парочка — очень страшных, — философски заметил Кот.

— А расскажите.

— Ну во-первых, Принцесса, это тайны. Если их рассказать, они перестанут быть тайнами, и станет скучно. А во-вторых — они же страшные, — проорчал Кот. — Зачем вам эти страхи знать и об них думать? У нас для этого есть Жаба с Лисом.

— А я хочу, — закапризничала Полина.

— Ну тогда слушай, — сказал Палиндром. — Наш мир, да и ваш, да и вообще любой мир — это очень сложное уравнение. Иногда уравнение не имеет решений. Поэтому в мире нет некоторых вещей.

— Каких вещей? — спросила Полина.

— Ну, тех, которых не может быть. Не может — и не должно.

Но Джокер всё меняет. У уравнения появляются решения, которых не должно и не могло бы быть.

— И что?

— А то, что если подставить джокера в уравнение, у которого нет решений, — Гном понизил голос до шёпота, — то

решения появятся. Но они будут мнимыми. Ненастоящими. Призрачными.

Полина почувствовала, как по спине побежали мурашки.

— И что, так можно весь мир сделать... призрачным?

— Чуть не сделали, — мрачно сказал Кот. — Один наш общий знакомец. БурКурДур.

— Я ничего не понимаю, — призналась Полина. — И вообще не люблю математику. Она скучная.

— Скучная? — Гном вдруг рассмеялся, но смех был невесёлым. — Математика — это единственное, что отделяет наш мир от полного исчезновения.

— Ну вот, тебе и страшная тайна. Лучше стало?

— Как-то нет, — поёжилась Полина. — Теперь буду думать — а вдруг всё станет мнимым и исчезнет?

— Не исчезнет, — сказал Кот. — Потому что... Да, впрочем, это так не объяснишь.

Он встал, отряхнулся, и искры посыпались во все стороны.

— Пойдём, я покажу тебе дерево, с которого началось время.

Полина открыла глаза.

Спальня была залита лунным светом. Ночник на тумбочке горел, отбрасывая неровные тени. На стене висели плакаты с героями комиксов, на полу — любимые тапочки-лисички.

Всё как обычно.

Она села на кровати и потёрла глаза. Сон был такой яр-

кий, такой настоящий... Холодная река, Гномьи горы, Хрустальная гора, Ангел-Дракон с волшебным садом. Кровать с крыльями. Говорящий кот и гном с их страшными тайнами.

— Это был просто сон, — прошептала она в темноту. — Или нет?

Неожиданно дверь скрипнула, приоткрылась, и в образовавшуюся щель протиснулся рыжий кот — любимец семьи по имени Ким. Он важно прошёлся по комнате, обтёрся об стул, потом мявкнул, запрыгнул на кровать, устроился в ногах, свернувшись калачиком, и громко замурлыкал.

«Пр-р-р-иходи, пр-р-иходи», — слышалось Полине в его урчании.

— Приду, — сказала она шёпотом. И улыбнулась.

Она снова легла, натянула одеяло до подбородка, закрыла глаза и уснула. На этот раз без снов.

* На самом деле в "официальном" Хармсе такой цитаты нет. Скорее всего это галлюцинация ИИ. Но цитата получилась хорошая.